

Хань Цзычуань тихо ушел. Поскольку он был правящим императором, я не могла убить его, как бы сильно я его ни ненавидела. Уходя, он не забыл издать указ о вызове Маленького Ли из дворца, чтобы тот занимался моими повседневными делами. Я подозревала, что большая часть его работы заключалась в том, чтобы присматривать за мной. Учитывая эти меры предосторожности, Хань Цзычуань, вероятно, беспокоился, что я пойду по стопам Фан Хуа, если приму все слишком близко к сердцу.

Он был таким идиотом. Являясь Беззаботным Бездельником, почему я должна была так легко убить себя? Если я умру... тогда некому будет спасти Фан Хуа. Осень закончилась вместе с началом зимы, и погода становилась все холоднее и холоднее. В прошлом Фан Хуа так любил здешние драгоценные растения, что они цвели, несмотря на погоду, соревнуясь в своем цветении по всем холмам. Теперь, когда Фан Хуа не стало, они тоже притихли, послушно разрастаясь, как того требовали условности, без прежнего дикого изобилия семян.

Холм желтой земли тоже стал более пустынным.

Одетая в толстые одежды, я присела на корточки на земле, чтобы присмотреть за деревом Фан Хуа, чувствуя слабую боль, пульсирующую в моем запястье.

“Госпожа”. - раздался мягкий голос с моей стороны. Я проигнорировала это.

“Госпожа, ветер становится сильнее. Давайте вернемся внутрь.” - Сяо Ли наклонился, чтобы посмотреть на меня, его рука дрожала, когда он пытался поддержать мою руку. Я бросила на него унылый взгляд. Он с тревогой уставился в одну точку, его дыхание было явно прерывистым. На этот раз он забыл о табелях и рангах и закатал мне рукава, уставившись широко раскрытыми глазами на то, что я делала.

“Вы... это...” - его взволнованный голос дрожал от замешательства. Я на самом деле улыбнулась, когда опустила рукава, чтобы снова прикрыть запястье.

***

На этот раз я порезала немного глубже, но боли было достаточно, чтобы напомнить мне, что я все еще могу испытывать боль... Я не была каким-то там ходячим трупом, а той, кто все еще мог испытывать чувства...

“Госпожа, император велел мне позаботиться о вас, чтобы вы не наделали глупостей”. - сердито сказал Маленький Ли, внезапно выпрямляясь. Он несколько раз топнул ногами, после чего вытащил из-под мантии немного марли и таблеток, после чего перетянул мою руку и перевязал рану: “Я рад, что взял с собой немного лекарств, когда уходил из дворца. Как раз вовремя, вы... Почему у вас так много порезов, что мы будем делать, если останутся шрамы?”

“Не стоит так утруждаться”. - я в упор посмотрела на него. “Теперь, когда ты перевязал эту рану, не нужно ли мне будет потратить время на то, чтобы разрезать еще одну?”

“Почему вы так жестоки к себе? Только посмотрите, что случилось с вами за эти дни.” - Маленький Ли взглянул на меня широко раскрытыми глазами, края которых покраснели. Мой взгляд медленно опустился на десятки уродливых шрамов на моих запястьях, наслаждаясь их

существованием.

Да... они могли быть уродливыми, но Фан Хуа было бы все равно. Ему нужна была моя кровь, и я была готова ее дать. Мой рот расплылся в улыбке, после чего я услышала «бам»! Когда я подняла глаза, Маленький Ли стоял на коленях на земле, опустив голову, а его тело неудержимо дрожало. Он выглядел готовым заплакать. “Госпожа, это ваш слуга, кто недостоин”.

Я спокойно смотрела на него. Его голос становился все тише и тише, словно бы он использовал все свое мужество для того, чтобы говорить.

“При жизни господин Хуа был чрезвычайно добр к вашему слуге. Позже ваш слуга пришел, чтобы служить вам. Много раз ваш слуга хотел напомнить вам о прошлом, но слова не осмеливались покинуть мой рот... Честно говоря, когда император приказал вашему слуге отправить вас в дом господина Хуа, ваш слуга не сделал бы этого даже под страхом смерти.”

“Это благодаря тебе я смогла провести с ним оставшиеся дни”.

“Ваш слуга был на самом деле счастлив какое-то время, но, если бы ваш слуга знал, что это произойдет, ваш слуга отказался бы, даже если пришлось умереть”.

“За это время я провела здесь свои самые счастливые дни”.

Он беспомощно уставился на меня, серьезно сказав: “На этот раз, даже если ваш слуга потеряет свою жизнь, я позабочусь о том, чтобы вы и господин Хуа были в безопасности”.

Я улыбнулась мирной и безмятежной улыбкой. Маленький Ли поднял голову, вытирая лицо рукавами. Он взял мою руку в свою, в то время как его губы задрожали, мягко подув на рану там.

“Порез правда неглубокий... Мне не больно.” - когда я вспомнила, что Фан Хуа, возможно, сможет проснуться от этих капель крови, мне захотелось переполниться радостью.

***

Проходил день за днем.

Я не знаю, сколько крови или лекарственных растений нужно было Фан Хуа. Мое тело становилось все слабее и слабее, пока я несколько раз чуть не потеряла сознание. Взгляд Маленького Ли становился все более и более тревожным по мере того, как он изучал меня. Молодые принцы приходили несколько раз, но я отказывалась их видеть. Я правда не хотела, чтобы они застали меня в таком состоянии. Я знала, что мое лицо было пепельно-белым, а губы всегда сухими. Мое тело все больше и больше боялось холода, так что большую часть времени я проводила, съжившись в кресле, чтобы согреться. Даже разжигания костра днем было недостаточно, чтобы согреть меня. С таким моим телом никакие укрепляющие и тонизирующие средства не могли мне помочь.

Порезы на моих запястьях заживали и снова вскрывались. Я оцепенела до такой степени, что почти не чувствовала боли. Мои руки теперь были почти бесполезны, так как они дрожали, даже когда я пыталась пользоваться палочками для еды. Позже я сказала Маленькому Ли забыть о палочках для еды и дать мне ложку (шао цзы)(1).

Шаоэр...

Я не смогла удержаться от смеха. Моя жизнь свелась к пользованию ложкой. Имя, которое однажды дал мне Фан Хуа, действительно подходило мне больше всего.

***

“Госпожа, в последнее время вы часто кашляете. Я хочу найти вам врача.”

“Мои собственные медицинские навыки на высшем уровне. Я сама в состоянии диагностировать свои болезни, так что, если это не то, что я могу вылечить, я сомневаюсь, что это сделает и другой врач”.

“Это нехорошо”. - Маленький Ли уставился на меня. “Что бы вы ни говорили, болезни все равно следует лечить. Врач уже в пути.”

Когда он закончил, его голос понизился: “Просто послушайте меня хоть раз, это то, что я сделал тайно, без ведома императора”.

Свернувшись калачиком на стуле и греясь перед каминном, я тихонько хмыкнула в знак согласия. Он улыбнулся, обнажив ряд белых зубов. Мой взгляд медленно пополз по нему. Я все еще не понимала Маленького Ли. Когда я впервые встретила его, он был умным и сообразительным молодым евнухом, но в мгновение ока он стал самым доверенным лицом императора, Главным Евнухом Ли. Теперь он нес бремя заботы о таком бесполезном человеке, как я, без единой жалобы. Возможно, у него и правда была нечистая совесть, но кто знал, какие методы он использовал, чтобы умиротворить императора? Хотя дворец всегда доставлял еду и тонизирующие средства, император никогда не упоминал о моем возвращении во дворец, или что он хотел бы послать кого-то за мной. Хань Цзычуань, возможно, ждал, что я сдамся... или, возможно, он понял, что такой упрямый человек, как я, никогда не сдастся до конца своей жизни.

Это тоже было прекрасно... Такое изломанное тело, каким оно было у меня сейчас, никто не осмелился бы принять без опасений.

Я лениво потянулась, медленно вставая со стула. Сяо Ли хотел протянуть мне руку, чтобы поддержать, но я отказалась. Погода сегодня была немного лучше, балуя нас теплым солнечным светом. Мне как раз пора было навестить Фан Хуа.

Холм желтой земли был таким же пустынным, как и раньше, но на дереве у могильного холмика распустились почки, похожие на цветы сливы. Я отдала дань уважения могиле, после чего обошла вокруг Фан Хуа и наклонилась, чтобы медленно присесть на корточки, сдувая в

сторону сухие листья, собранные на земле. Затем я слабо села.

Прошлой ночью был мороз, так что все еще было немного прохладно. Я зевнула, искоса взглянув на черное, как смоль, дерево Фан Хуа, воткнутое в землю. Улыбаясь, я наклонилась вперед, чтобы погладить дерево: "Почему тебе так трудно измениться в красное дерево?"

Я улыбалась до тех пор, пока не перестала улыбаться, все еще по-идиотски уставившись на дерево: "Ифу, я снова принесла твои любимые красные лотосы... у меня больше не хватает сил, иначе я бы собрала самую сладкую утреннюю росу с краев утеса."

Если бы это был обычный день, он бы определенно сказал что-то вроде: "Ты усердно потрудились, Шаоэр", но сейчас была только эта ветка мертвого дерева, одиноко стоящая в земле, совершенно безмолвная. Я протянула руку... Онемевшие кончики пальцев задрожали, когда я коснулась этого глянцевого черного дерева Фан Хуа. На этот раз болела не моя рука, а мое давно измученное сердце. Я уткнулась головой в колени, вытирая лицо грубыми рукавами, и изо всех сил старалась не заплакать.

"Ты думал о том, чтобы оставить меня здесь, заранее? Ты сказал, что хочешь выпить вино, которое я сварила для тебя. И ты сказал, что после того, как поправишься, приготовишь для меня немного теплых маньтоу. Но я оставила тебя, когда ты больше всего во мне нуждался. Тебе, должно быть, действительно было больно, верно?"

Ветер дул с шумом, но вокруг было достаточно тихо, чтобы я могла слышать биение собственного сердца.

"Фан Хуа, я так сильно скучаю по тебе. Как ты мог просто уйти и оставить меня одну?"

Моим глазам стало жарко, когда острая боль пронзила мою грудь. Я не могла дышать...

Так что это было моим наказанием.

Порезы на моих запястьях снова открылись, а из глаз потекли слезы. Я протянула окровавленный палец, чтобы снова и снова прикасаться к дереву Фан Хуа. Другая моя рука вцепилась в перед моей мантии.

Ифу, ты сказал мне путешествовать по цзянху. Разве ты не знаешь? Цзянху для одного человека - это вообще не цзянху.

Прошлой ночью мне снова снилась наша жизнь в этом доме. Те дни... были самыми счастливыми в моей жизни. Я не забуду их до конца своих дней. Усталая, я прислонилась к могильному холмику и закрыла глаза на неизвестный промежуток времени.

"Шаоэр..."

Кто меня звал? Я обернулась, ничего не понимая.

Внезапно передо мной возникла темная фигура. Я упала обратно на землю, чувствуя легкое головокружение и потирая лоб. Мои колени опустились на желтую землю, после чего я с трудом приподнялась, наконец-то восстановив дыхание. Там стояла высокая фигура, загораживая солнце. Он долго непонимающе смотрел на меня, после чего заговорил:

“Почему ты стала такой?”

Я закрыла глаза. Он опустился на колени, чтобы нежно взять меня за руку. Уставившись на лицо Нунъюя, я заметила только то, какой у него несчастный и опустошенный вид. Он дрожащей рукой коснулся порезов на моем запястье: “Главный Евнух Ли прислал почтового голубя, велел мне поторопиться сюда. Я догадывался, что у тебя могли быть проблемы, но я не знал, что все настолько серьезно. Я уже слышал о ситуации с господином Хуа. Что ты творишь? Ты уже знаешь... он больше не сможет воскреснуть из мертвых.”

Я уставилась на него в оцепенении.

Нунъюй держал мое лицо в своих руках, его глаза были полны боли. Палец коснулся моих сухих губ, когда он тихо заговорил: “Как мог Маленький Ли допустить твою глупость? Ты должна хорошо отдыхать и заботиться о своем здоровье. Я... я не позволю тебе совершать такие необдуманные поступки”.

“Я хочу спасти его”.

“Если ты продолжишь в том же духе, тебе будет трудно сохранить даже свою собственную жизнь”.

Я широко открыла глаза, мое зрение было размытым, как в тумане: “Нет, я собираюсь спасти его. Хань Цзычуань сказал, что Фан Хуа любил меня.” - моя грудь внезапно распухла от горя: “Даже если мне придется использовать каждую каплю крови в моем теле, я верну его к жизни”.

Вздыхнув, Нунъюй положил руку мне на плечи. “Дерево Фан Хуа уже переросло свое лучшее время для возрождения. Это невозможно.”

“Ты не понимаешь”. - я на некоторое время замерла, после чего тихо заговорила: “Я знаю Фан Хуа...” - я медленно улыбнулась, глядя ему в глаза и говоря совершенно искренне. Несмотря на это, слезы продолжали катиться по моему лицу.

“Он нуждается во мне, чтобы составить ему компанию. Это то, чего он всегда желал перед смертью, но я развернулась и оставила его. Должно быть, он подумал, что я его больше не хочу, и нарочно избегаю его... Теперь он злится на меня, поэтому мне приходится быть с ним каждый день, составлять ему компанию и потакать его капризам, пока он не успокоится. Тогда он появится снова”.

Нунъюй был явно тронут моими словами. Он заключил меня в объятия и больше ничего не сказал, только крепко прижал к себе. Я закрыла глаза, устало лежа в его объятиях, при этом мои слезы увлажняли его одежду. Я хотела, чтобы Фан Хуа знал, как сильно я его люблю...

Плач утомил меня, и теперь я чувствовала сильное головокружение. Я почувствовала, что кто-то поднимает меня, но была слишком измучена, чтобы сопротивляться. Мои соленые слезы смешались с ранами на моем запястье... это было больно... и кровь уносила слезы, когда текла из моих порезов...

Моя голова была очень слабой, очень усталой...

Капля крови, смешанная со слезами, упала на дерево Фан Хуа, окруженная бесчисленными другими каплями крови... Желтая земля медленно поглотила все это. Нунъюй осторожно поднялся, держа меня на руках. Когда он собрался повернуться, я услышала звук распускающихся цветов и глупо улыбнулась. Я вырвалась из его хватки и упала на землю, неуклюже потянувшись к дереву Фан Хуа, пока поползла назад шаг за шагом.

“Не будь такой...” - Нунъюй схватил меня сзади, крепче сжимая в объятиях, и с тревогой взглянул на светящееся дерево Фан Хуа. Чернота на этой мертвой ветке медленно сконденсировалась в миазмы вокруг дерева, после чего порыв ветра рассеял темный туман. На его месте осталось огненно-красное дерево Фан Хуа, которое сияло нефритовым светом. Все цветущие растения вокруг него начали распускать собственные бутоны, готовые вот-вот расцвести...

Я не смогла сдержать рыдания.

Фан Хуа, это ты?

Иллюзорный образ подобной Бессмертному фигуры, смотрящей вдаль, появился рядом с гробницей. На его спокойном лице была безутешная меланхолия. Мое сердце дернулось, после чего заколотилось, как бешеное. Не знаю, откуда у меня взялись силы, но я оттолкнула руки Нунъюя в сторону и, пошатываясь, побежала к Фан Хуа. Протянув руку, я не коснулась ничего, кроме холодного воздуха. Его внешний вид стал туманным из-за развевающихся белых одежд, когда я пробежала прямо сквозь его тело, чтобы упасть на землю.

Видение... он был всего лишь тенью.

Эта фигура повернулась ко мне спиной, когда он стоял перед Нунъюем, говоря мягким голосом: “Я не знаю, увидит ли это кто-нибудь... но у меня есть умная и очаровательная ученица, которая приняла к себе шестерых юных принцев. Если вы когда-нибудь увидите ее, я должен побеспокоить вас, чтобы вы передали ей это сообщение от моего имени. Я живу неторопливой и беззаботной жизнью сам по себе, так что, пожалуйста, не скучай по мне”.

Горе наполнило мое сердце. Нунъюй оцепенело уставился через плечи фигуры на меня. Фигура Фан Хуа то появлялась, то исчезала, и его голос был очень тихим, словно бы он разговаривал сам с собой. Нунъюй, кажется, был напуган всем этим и медленно поднял палец, чтобы указать на меня. Фан Хуа внезапно обернулся, смотря на меня издали с легкой улыбкой.

Мое сердце колотилось без остановки. Я подняла руку, чтобы схватиться за грудь, когда увидела на его лице выражение, которого мне так не хватало. Хотя нас разделяли десять тысяч

